

В кулинарном искусстве Цзян Шуньянь отлично понимал, что он полный профан. Придумать новое блюдо — максимум, что он мог сделать, это поэкспериментировать с цветовыми сочетаниями и композицией подачи, что не сильно отличалось от уровня дилетанта.

Однако в ходе недавнего разговора он заметил одну вещь, которую Лазурный берег и Вэй Цзинжун, похоже, забыли.

Вэнь Ин.

Та самая женщина, которую Вэй Цзинжун так сильно любил.

Вэй Цзинжун утверждал, что забыл, как прошли эти семь лет в Лазурном берегу, но Цзян Шуньянь ему не верил.

Ресторан был его детищем; его история была создана его руками; звание мишленовского ресторана он завоевал своим упорным трудом.

Он не забыл, просто не хотел вспоминать, не хотел касаться тех воспоминаний.

Цянь Юньшэн забрал не только документы и рецепты Лазурного берега, но и разрушил труд Вэй Цзинжуна, нарушил его душевное равновесие. Именно поэтому Вэй Цзинжун потерял самообладание, словно разъяренный бык, бросающийся на все подряд.

Нужно было просто заставить его осознать это.

Показать ему, что проблема не в креативности, а в его отношении.

«Если не укрепить основы Лазурного берега, все остальное — пустая болтовня».

Вэй Цзинжун это понимал, но как заставить его вспомнить об этом?

Вернувшись на диван, Цзян Шуньянь чувствовал себя так, будто сидел на иголках. Он не мог успокоиться, мысли рвались наружу, но он боялся задеть запретную тему Вэй Цзинжуна.

Ушедшие заслуживают уважения.

Люди обычно избегают разговоров о покойных, тем более таких, как Вэй Цзинжун, этот упрямый и преданный человек.

«Черт, какая же это головная боль!»

Цзян Шуньянь мысленно выругался: «Проклятье, Оуэн давно это заметил, но даже не предупредил его! Как я мог угодить в такую передрагу?!»

Гнев гневом, но проблема оставалась нерешенной, и никакие эмоции тут не помогали.

Сказать — сложно; промолчать — все равно что завязать узел на пятке.

Почему проблемы других становятся моими заботами?

Цзян Шуньянь чувствовал, как в его голове проносится целое стадо яростных мыслей, и ему очень хотелось высказать все, что он думает!

Лучше горькая правда, чем долгая мука.

Если продолжать тянуть, оба будут только тратить время и силы, так что лучше рискнуть и выложить все как есть!

Цзян Шуньянь сбросил с себя плед, встал и выключил свет в комнате. Единственным источником освещения осталась настольная лампа, и резкий перепад света чуть не заставил его врезаться в стену.

— Зачем ты выключил свет? — спросил Вэй Цзинжун.

Цзян Шуньянь не ответил, протянул руку и забрал документы из рук Вэй Цзинжуна. Темные чернила оставили на бумаге резкую линию, глубоко врезавшуюся в страницу.

Не обращая внимания на возможную вспышку гнева со стороны Вэй Цзинжуна, Цзян Шуньянь настойчиво отложил документы в сторону. Наклонившись, он посмотрел прямо в глаза Вэй Цзинжуна:

— Вэй Цзинжун, хватит.

Вэй Цзинжун не понимал, что он имеет в виду, и не хотел больше разбираться в его замыслах.

Три часа ночи.

Четыре-пять часов, прошедшие с прихода Цзян Шуньяня, были потрачены впустую, никакого прогресса, только одни проблемы.

Один раз, другой — еще куда ни шло. Но терпение тоже имеет свои пределы!

— Если не хочешь помогать, дверь вон там.

Холодный взгляд Вэй Цзинжуна излучал ледяное безразличие, отталкивая любого, кто осмеливался приблизиться.

— Вэй Цзинжун, правда, хватит.

Цзян Шуньянь положил руку на руку Вэй Цзинжуна, которая тянулась к документам, и не отступил ни на шаг.

— Отойди, у меня нет времени на тебя.

— Вэй Цзинжун.

— Я сказал, отойди.

Холод Вэй Цзинжуна превратился в ярость, и было непонятно, когда он может перейти к физической агрессии.

Цзян Шуньянь понимал, что если он не заговорит сейчас, Вэй Цзинжун только глубже увязнет в своих мыслях.

Не ради него, не ради себя, не ради Лазурного берега, но хотя бы ради ушедшей сестры Вэнь Ин, он сегодня должен был сдвинуть этого упрямого быка с места!

— Вэй Цзинжун, ты не мог бы успокоиться?

— Я слишком спокоен, раз позволяю тебе снова и снова вести себя как дурак!

— Я веду себя как дурак? Ты думаешь, что я пришел сюда ночью, чтобы провести с тобой всю ночь, просто чтобы вести себя как дурак?

Цзян Шуньянь был измотан, действительно измотан. Он не хотел злиться, но слова Вэй Цзинжуна вывели его из себя.

— Ты правда думаешь, что твое лицо настолько важно, что кто-то готов тратить время, чтобы вести себя как дурак рядом с тобой? Ты думаешь, что ты — юань, и каждый захочет прикоснуться к тебе?!

— Любой другой был бы лучше тебя! Ты даже не смотришь на себя со стороны! Такие, как ты, вызывают у людей только отвращение!

В тот момент, когда эти слова были произнесены, гнетущая тишина взорвалась, время словно замерло, и сердца обоих сжались одновременно.

Один — сожалел; другой — страдал.

Но слова уже были сказаны, и их нельзя было вернуть.

— Ты считаешь меня отвратительным?

Отвратительный.

Эти два слова были для Цзян Шуньяня самым большим табу.

— Ха... ха-ха... ха-ха-ха... Так ты всегда считал меня отвратительным!

Цзян Шуньянь захохотал, его смех становился все более надломленным.

Он был словно мотылек, борющийся за выживание в холодном ветру, без пути вперед и без пути назад.

— Вэй Цзинжун, тебя раздражает мысль о том, что я люблю мужчин, что я готов умереть ради мужчины? Тебя тошнит от мысли, что однажды я может приставать к тебе, как червь из сточной канавы?

— Ты неправильно понял...

— Что я неправильно понял? Я снова неправильно истолковал твои скрытые намеки?

Вопросы Цзян Шуньяня остались без ответа.

В гневе слова не имеют смысла.

Ругательства уже были произнесены, и любое объяснение только усугубило бы ситуацию.

Цзян Шуньянь был опустошен, его пыл остыл, и теперь он просто хотел уйти.

Разные пути не ведут к одной цели.

На этом все, больше нечего держаться.

Но последние слова он должен был сказать.

— Ты уже высказался, теперь, надеюсь, ты успокоился, и теперь моя очередь.

Цзян Шуньянь глубоко вздохнул, сдерживая дрожь в голосе:

— Придумать новое блюдо на самом деле не так сложно. Лазурный берег ты открыл ради сестры Вэнь Ин, и независимо от того, мишленовский это ресторан или нет, это остается неизменным. Сестра Вэнь Ин хотела, чтобы Лазурный берег стал свидетелем любви и понимания между влюбленными, то есть она хотела, чтобы ресторан шел по пути близости к народу, с доступными ценами и искренностью.

— Как установить цены, ты знаешь лучше всех. С искренностью тоже просто: ты потерял вдохновение, потому что забыл те моменты, которые связывали тебя с сестрой Вэнь Ин. Сладкое и горькое, расставания и потери — все это часть жизни. Что она любила есть, куда часто ходила, что ты готовил для нее — все это может стать отправной точкой. Поймай это чувство, а дальше ты сам знаешь, что делать.

Закончив, Цзян Шуньянь достал из своего рюкзака контракт, нашел на столе контракт Вэй Цзинжуна и без колебаний разорвал их в клочья.

— В темноте, при выключенном свете, легче вспоминать прошлое. Мои способности ограничены, и я не хочу здесь позориться. Ты занят, я не буду тебя отвлекать.

Цзян Шуньянь собрал свои вещи и ушел, не оглядываясь.

— Уже поздно, куда ты идешь?

Ответа не последовало.

Единственным ответом был глухой стук закрывающейся железной двери.

У автора есть что сказать:

Обновление! Прошу кликов и добавлений в закладки!

«Любой другой был бы лучше тебя! Ты даже не смотришь на себя со стороны! Такие, как ты, вызывают у людей только отвращение!»

Его добрые намерения в итоге обернулись лишь этими двумя словами — «отвратительный».

Ха, просто смешно!

Цзян Шуньянь, держа в руках толстую пачку накладных, отправился на склад, и в голове у него постоянно звучали слова Вэй Цзинжуна.

Неприятно! Цзян Шуньянь был крайне недоволен!

Это просто естественный выбор, но из-за этого он всю свою жизнь сталкивался с трудностями и дискриминацией.

Он не понимал, что плохого в том, чтобы любить мужчин?

Он не воровал, не грабил, не принуждал ни одного парня к отношениям, так почему же это

отвратительно?

Любить мужчин не значит любить каждого мужчину.

Даже выбирая овощи, нужно тщательно отбирать, прежде чем готовить, так почему здесь все иначе?

Почему! Это что, врожденная ненависть?

Цзян Шуньянь все больше злился, и чем больше злился, тем больше раздражался, желая порвать накладные в клочья.

Фу! Какой же я дурак! Бросил такую хорошую работу, чтобы работать на этого бесчеловечного Вэй Цзинжуна. Бегаешь туда-сюда, а тебя еще и презирают, просто бесит!

Цзян Шуньянь злился до головокружения, уселся на мешок с рисом и, не обращая внимания на внешнюю суету, решил не выходить.

— Ц-ц-ц, искал тебя полдня, а ты тут прячешься.

Цзян Шуньянь махнул рукой, потряс накладными:

— Занят, не видишь?

— Ты так сидишь и занят?

Оуэн зашел на склад, начал пересчитывать свои драгоценные бутылки с алкоголем:

— Что, сегодня твой «день тети»?

— У тебя день тети!

<http://bllate.org/book/16592/1516459>